

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Пронина Максима Вячеславовича на тему: «Категория поэтического языка (на материале ленинградской и московской неподцензурной поэзии)» по специальности 5.9.3. – «Теория литературы»

Труд, представленный Максимом Вячеславовичем Прониным в качестве кандидатской диссертации по теории литературы, нетривиален, прежде всего, объектом изучения. Избрана категория, по преимуществу исследованная лингвистами (например, серия из пяти коллективных монографий «Очерки истории языка русской поэзии XX века»; 1990–1995), но не слишком интересующая литературоведов. Со времен русской формальной школы многие из них в силу разных причин отделились от проблем изучения поэтического языка. Возвращение к этим вопросам определяет **актуальность и теоретическую значимость** диссертации. Труднее обстоит дело с **новизной**. Для меня она не очевидна, хотя автор, напротив, видит ее «в попытке предложить осмысление механики эстетических разрывов, конституирующих новые явления в поэзии не только по их эстетике, но и по их природе» (с. 11). Все слова по отдельности в этом высказывании я понимаю, но смысл целого ускользает.

Поскольку проблема поэтического языка – филологически комплексная, она требует от исследователя не только профессиональной эрудиции (с этим у Максима Вячеславовича всё в порядке), но и лингвистической подготовленности, которой обладали Б. В. Томашевский, В. М. Жирмунский, Р. О. Jakobson, М. Л. Гаспаров, М. И. Шапир. К сожалению, лингвистических знаний диссертанту не хватает, отсюда зыбкость терминологии: «оригинальные слова» вместо «окказионализмы»; «образование глагола от... фамилий» вместо «деноминативное глаголообразование»; понимание словоформы как лексической единицы, а не как слова в определенной грамматической форме; «поэтический идиолект андеграундной поэзии» вместо «поэтические идиолекты...», т. е. поэтические языки конкретных авторов и др. Возможно, в работе стоило рассмотреть не поэтический язык – объект изучения лингвистической поэтики, понимание которого, по мнению диссертанта, «к концу 2010-х – началу 2020-х годов... всё еще находилось в зачаточном состоянии» (с. 361) (думаю, лингвисты с этим не согласятся), а саму поэтику неподцензурной поэзии как систему структурных особенностей неконвенциональных с точки зрения советского канона текстов. Тем более что интересных наблюдений в диссертации немало. А вот «расширяет» ли проведенное исследование «возможности современной лингвопоэтики» (с. 368), пока говорить преждевременно.

Другая особенность работы – объем, в два раза превышающий оптимальный. Максим Вячеславович стремится рассказать обо всём: о том, что такое идиолект и

поэтический идиолект, или идиостиль, по В. П. Григорьеву; об учении А. А. Потебни о внутренней форме слова и о понятии поэтического языка Г. О. Винокура, несмотря на то, что эти сведения широко известны; о проблеме стихотворного языка в понимании Ю. Н. Тынянова, хотя примеров «деформации» значения слова его звучанием в исследуемом материале не представлено. Излагается содержание эссе Т. С. Элиота «Традиция и индивидуальный талант» (1919), много говорится о постмодернизме. В то же время поэтика футуристов и обэриутов, подсказавшая многим неподцензурным поэтам Ленинграда траекторию письма, не затронута. Складывается впечатление, что структура работы не до конца продумана, автор делает ставку на количество информации, выбирая экстенсивный путь. Диссертации не хватает композиционной ясности и стройности, она выглядит громоздкой, неоправданно эпичной и эклектичной. Анализ стихотворения Дмитрия Александровича Пригова вдруг прерывается теоретическими рассуждениями Ролана Барта и Жана Бодрийера. В диссертацию включаются новостные материалы журналистов, общественных деятелей, в которых доминирует не поэтическая функция языка, а коммуникативная, с признаками публицистического стиля. И нужен Лев Рубинштейн, чтобы в новостном гуле расслышать звуки поэзии: «Бедная невеста сбежала после свадьбы с деньгами отца жениха». В этом «свернутом» нарративе отзывается голос Пьеро из музыкальной киносказки «Приключения Буратино» (1975): «Мальвина сбежала в чужие края! / Мальвина пропала, невеста моя!» Жаль, что «Бегущие строки» Рубинштейна, воспроизводящие подлинные новостные заголовки, потерялись среди эмоциональных, иногда трогательных, но лишенных поэзии пространств высказываний интернет-пользователей.

Спору нет, в самом обращении к проблеме поэтического языка, потребовавшем четырех сотен страниц, есть что-то героическое. Бродский называл это «величием замысла». Максим Вячеславович прав: «...чтобы получить четко структурированное представление о категории поэтического языка», необходимо «освоить огромное количество научного и информационно-справочного материала и только потом уже систематизировать полученную информацию» (с. 5). Что ж, с освоением научного материала диссертант вполне справился, а вот с систематизацией – не очень. (Мне показалось, что ход рассуждения и некоторые высказывания в теоретической главе содержательно близки одной из глав книги Владимира Фещенко «Язык в языке. Художественный дискурс и основания лингвостетики».) Тем не менее знакомство с работой не оставляет сомнений в том, что профессиональные познания автора широки, литературная образованность бесспорна, взгляд наблюдателен, хотя в эстетическом плане не всегда взыскателен и придиричив. Отмечу способность к типологическим обобщениям, склонность к теоретизированию, желание продуцировать собственные идеи.

Ключевая идея диссертации – «минус-язык» по аналогии с «минус-приемом» Ю. М. Лотмана. Эстонский ученый писал об усложнении восприятия художественного текста при устранении каких-либо структурных элементов, например, рифмы. Но переносить эту модель на соотношение языка как средства общения и языка как формы искусства, по-моему, некорректно. Поэтический язык отличается от языка официального быта мотивированностью всех его элементов, семантизацией грамматических структур, перераспределением функций: «Стих – это текст, ощущаемый как речь повышенной важности, рассчитанная на запоминание и повторение». Известное определение М. Л. Гаспарова вполне применимо к поэтическому языку, который нужен для того, чтобы передать небытовую семантику, оставляя для семантики бытовой (деловой) другую форму – литературный язык. Поэтический язык, как мне кажется, – не «минус-язык», а «язык-плюс». «Плюс» здесь в том, что на естественный язык накладывается другой – поэтический. Это и позволяет считать литературу и – шире – искусство вторичной моделирующей системой. Замечу попутно, что суждение о преимуществе поэта перед прозаиком, у которого будто бы «нет такого поэтического языка» (с. 17), – преувеличение. Проза Н. Лескова, И. Бабея, В. Набокова, Саши Соколова, Т. Толстой и др. авторов убеждает, что без обращения к языку понять прозаический текст как искусство слова затруднительно.

К числу удач Максима Вячеславовича отнесу выводы, резюмирующие содержание 3-й главы. Они информативно и компактно характеризуют идиостилию неподцензурных ленинградских авторов. То же сделано в отношении московских поэтов в 4-й главе. Особенно удачно систематизированы приемы поэтики одного из ключевых представителей концептуализма – Дмитрия Александровича Пригова (с. 271–274).

Остановлюсь на частных моментах, связанных с интертекстуальностью некоторых стихотворений:

1. «Жить всё стыдней и стыдней. / Жить всё скушней и скушней» у Л. Аронсона (с. 136). Это может быть перифразой слов И. Сталина из речи 1935 г. об успехах стахановского движения: «Жить стало лучше, жить стало веселее!»

2. «Не ешь натошак!» (с. 140) – всё же не фрагмент повседневной речи, а абсурдистская переделка совета-предупреждения «Не кури натошак!» или «Не пей натошак!»

3. Субъект высказывания в стихотворении Сергея Стратановского «В щели земные...» (2000) – по-моему, не «среднестатистический телевизионный зритель тех лет» (с. 165), а российский военнослужащий, участник российско-чеченского конфликта, уже неотличимый от бандита или террориста: «В ад голодный, холодный / бросаем заложников-горцев / Выкуп требуем. Цену за жизнь назначаем / Так вот... и воюем / так и живем, не скушаем...» Здесь возможны ассоциации по контрасту с «Валерёком» Лермонтова и классическими строками

Мандельштама «...В печальной Тавриде, куда нас судьба занесла, / Мы совсем не скучаем...»

4. Стихотворение Виктора Ширали «Я обездвижен я почти что труп...» (2017) (с. 176) тоже обнаруживает переклички с текстами Окуджавы («Молитва Франсуа Вийона»), Мандельштама («Помоги, Господь, эту ночь прожить...») и др.: «...Чужая молодость вертит тройной тулуп / А это значит что земля еще вертится // Я в Петербурге значит я в гробу...»

5. Стихотворная «народная» драма Владимира Уфлянда «Рифмованная околёсица» в антологии «“Филологическая школа”. Тексты. Воспоминания. Библиография» (Москва: Летний сад, 2005) напечатана *in continuo*. Ее начальные «реплики», помеченные автором «раёк», суть образцы «мнимой прозы». Это вытянутые в прозаическую строку стиховые единицы 4-ст. рифмованного хоря: «...бились баба с мужиком / помелом и кушаком / бились милый с дорогою / утюгом и кочергою...» Слово «помело» в условиях 4-ст. хоря, отсутствия прописных букв и знаков препинания может отсылать к «Ответу богов» Александра Введенского (1919): «...звали первую светло / а вторую помело...» Образы насекомых (мухи, бабочки, «клоп на таракане» и др.) и домашней утвари указывают на связь со сказками Чуковского.

6. Недостаточно сказать, что «метрико-ритмическая схема» стихотворения Тимура Кибирова «На реках вавилонских стонем...» (1999) пришла от пушкинских «Бесов» (с. 320). Ситуация несколько сложнее и интереснее. «Бесы» написаны 4-ст. хореем, стихотворение Кибирова – 4-ст. ямбом (рифмовка перекрестная). Произведения связаны не тождеством метра и размера, а сменой альтернации в пределах двусложников. При наличии лексических цитат это действительно «работает» на диалогизм: «На реках вавилонских стонем. / В тимпаны да кимвалы бьем. / То домового мы хороним. / То ведьму замуж выдаем...»

Еще одно уточнение стиховедческого характера. В «Приди ко мне отведай чаю с репой...» (1967) Александр Миронов не «отказывается от силлаботонического построения» (с. 179): стихотворение написано белым ямбическим стихом – пятистопным по преимуществу.

Есть отдельные неточности, которые стоит исправить, исходя из следующих фактов:

1. Тимур Беньюминович Радбиль – лингвист из Нижнего Новгорода, талантливый исследователь творчества Андрея Платонова.
2. Поэта Лукомникова зовут Герман.
3. Автор стихотворения «Я придумываю фамилии» – Михаил Яснов.
4. Фамилия Александра Кушнера пишется через «е».

5. У Мандельштама нет стихотворения с заглавием «Горец» (с. 309). Есть поэтическая инвектива «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), известная также под неавторским (читательским) заглавием «Эпиграмма на Сталина».

О стиле работы. Встречаются удачные и даже изящные высказывания, например, о стихотворении Алексея Хвостенко: «...выполнено в кривулинской эстетике пунктуационного аскетизма с вкраплениями некоторых элементов визуальной поэзии и литературно-поэтической игры центон» (с. 153). Но есть неудачные. Причина – неуместные в академическом дискурсе разговорные слова: «По факту Шварц – ярая противница свободного стиха...» (с. 251), «матерная лексика» (с. 335), «шедевральное произведение искусства» (с. 359), «Чухонцев часто использует... оксюмороны и антитезы, в целях... микширования различных стилей...» (с. 335). Как-то нехорошо и неправильно, что автор диссертации о поэтическом языке сам не всегда чуток к языку. Чувствуется, что Максим Вячеславович спешил и у него не оставалось времени на то, чтобы перечитать свой текст или показать его редактору. В диссертации можно встретить, например, такие почти пародийные пассажи, напоминающие по стилю язык советского литературоведения только с противоположным знаком: «...пессимистичный и упаднический настрой Пушкина сменяется неугасаемым оптимизмом Кибирова со всеми сопутствующими явлениями...» (с. 318).

Незначительных дополнений требует список литературы. В нем нет недавно вышедших книг: поэтической (*Кондратов Александр*. Отыщу убежур: археология авангарда / сост. и предисл. В. С. Отяковского и В. И. Власовой; статья М. Г. Павловца; науч. ред. А. А. Россомахин. Санкт-Петербург: Издательство «Да», 2025. 400 с.) и нескольких монографий (*Липовецкий Марк, Кукулин Илья*. Партизанский логос: проект Дмитрия Александровича Пригова. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 700, [3] с; *Павловец Михаил*. Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX – начало XXI века: [монография]. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2025. 535 с., [8] л. цв. ил.; *Казарновский Петр*. «Изображение рая»: поэтика созерцания Леонида Аронсона. Москва: Новое литературное обозрение, 2025. 751 с.: ил.).

Несмотря на некоторые дискуссионные и критические моменты диссертация Максима Вячеславовича Пронина «Категория поэтического языка (на материале ленинградской и московской неподцензурной поэзии)» – это законченный самостоятельный труд, обращенный к важной филологической проблеме. Он имеет свою, пусть и не разделяемую рецензентом, логику изложения. Автор продемонстрировал владение научной методологией и методикой анализа, предложил решение актуальной проблемы на фоне тщательно проанализированной исследовательской традиции. Основные результаты исследования прошли апробацию на научных конференциях различного уровня. Автореферат полностью

отражает содержание диссертации. Семь опубликованных работ (пять из перечня ВАК) дают представление об основных положениях исследования.

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.3. – «Теория литературы» и выполнено в соответствии с требованиями «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842.

Соискатель Максим Вячеславович Пронин заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. – «Теория литературы».

Официальный оппонент:

кандидат филологических наук,

доцент Школы филологических наук

Факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

СТЕПАНОВ Александр Геннадьевич

05.05.2026

Адрес места работы:

105066, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Факультет гуманитарных наук, Школа филологических наук

Тел.: +7 (495) 772-95-90; e-mail: hse@hse.ru

Подпись сотрудника Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» А. Г. Степанова удостоверяю:

Подпись заверяю

